

Я. С. ЛУРЬЕ

Из наблюдений над летописанием первой половины XV в.

При написании «Словаря книжников и книжности Древней Руси», подготавливаемого в настоящее время Сектором древнерусской литературы, составителям постоянно приходится обращаться к памятникам летописания. Прежде всего, сами летописи и входящие в их состав отдельные повести являются литературными памятниками, иногда очень ценными. Кроме того, летописи служат и важнейшим источником, откуда могут быть извлечены сведения о многих писателях и деятелях книжной культуры Древней Руси.

В ряде случаев написание статей требовало специальной исследовательской работы. С двумя из этих исследований нам и хотелось бы ознакомить читателя.

1. Повесть о Едигее в Троицкой летописи и в своде 1412 г. (Рогожский летописец и Симеоновская летопись)

Повесть о нашествии Едигея на Москву в конце 1408 г. занимает особое место в летописании XV в. Повесть читалась уже в Троицкой летописи 1408 г., в конце ее текста; однако последняя часть этой летописи (сгоревшей в 1812 г.) может быть восстановлена лишь далеко не полностью.

Как известно, текст Троицкой летописи был реконструирован М. Д. Приселковым на основе цитат из Троицкой, приведенных Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского», и по двум летописям, введенным в науку А. А. Шахматовым, — Симеоновской летописи (далее: Сим.) и Рогожскому летописцу (далее: Рог.). Однако сопоставление Сим. и Рог. с цитатами из Троицкой летописи у Н. М. Карамзина обнаруживает близость их текста только до 1390 г.; далее можно наблюдать лишь несколько совпадений, и то не дословных.¹ Чем объясняется расхождение между Троицкой летописью и текстом Рог. и Сим. за 1390—1408 гг.? В основе Рог. и Сим., как установили А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, лежала особая (по-видимому, тверская) редакция общерусского свода, доведенная до 1412 г. Возможны две гипотезы: либо эта редакция опиралась не на Троицкую летопись, а на предшествовавший ей общерусский свод конца XIV в. (так думал А. А. Шахматов),² либо она

¹ Кроме цитат, приведенных Карамзиным, и текста Рог. и Сим. М. Д. Приселков привлек для реконструкции еще фрагменты Троицкой до 907 г., указанные в разночтениях к первому незавершенному изданию Лаврентьевской летописи 1804 г.; могут быть привлечены также еще две летописи, не использованные М. Д. Приселковым, — Белорусская I (Западнорусская) и Владимирский летописец. Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 23—29, 36—42. Однако сходство Троицкой летописи с Белорусской I (судя по Карамзину) тоже прекращается на 1390 г., а с Владимирским летописцем — еще раньше.

² Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11, с. 151 (когда писалась эта статья, А. А. Шахматову еще не был известен Рогожский летописец); 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 312, 367.

использовала Троицкую, резко сократив ее (и дополнив по другому источнику) после 1390 г. (так предполагал М. Д. Приселков).³ Считая источником Рог. и Сим. свод 1390 г., А. А. Шахматов склонен был отождествлять этот свод с «Летописцем великим русьским», на который ссылалась под 1392 г. Троицкая летопись (судя по цитате у Карамзина), осуждая исконную непокорность новгородцев. Верно это предположение или нет, сказать трудно (никаких других сведений о «Летописце великом русьском», кроме тех, которые содержались в упомянутом тексте из Троицкой, у нас нет), но во всяком случае, говоря об общерусском летописании конца XIV—начала XV в., мы вплоть до 1390 г. имеем дело, в сущности, с одной летописной традицией, связанной с митрополитом Киприаном (текст Троицкой летописи, совпадающий в этих пределах с текстом Рог. и Сим.), а после этого года обнаруживаем две версии летописания — версию свода 1408 г., весьма фрагментарно сохранившуюся в выписках Карамзина (связанную, очевидно, по-прежнему с окружением Киприана), и тверскую версию 1412 г., расходящуюся в последней части с официальной московской.⁴

Следующий этап общерусского летописания представлен Софийской I и Новгородской IV летописями (в свою очередь отразившимися на многих летописях XV—XVI вв.). Очень своеобразный текст обеих летописей совпадает до 1418 г., из чего А. А. Шахматов сделал естественный вывод, что в основе их лежал общий протограф, доведенный до этого года. В свою очередь «свод 1448 г.», или «Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в.» (по определению А. А. Шахматова), опирался, очевидно, на две летописные традиции — общерусскую (типа Лаврентьевской—Троицкой) и новгородскую. Общерусский «свод 1448 г.», использовавший новгородское летописание начала XV в., был, очевидно, составлен в середине столетия.⁵

Летописный свод конца XIV—начала XV в., дошедший в тверской редакции 1412 г. (Рог. и Сим.) и в Троицкой летописи (цитаты

³ Приселков М. Д. 1) Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 30—32; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 114—115, 121—122; 3) Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 44—46.

⁴ Ср.: Лурье Я. С. О московском летописании конца XIV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979, т. 11, с. 3—19. Вопрос о заключительной части Троицкой летописи привлек недавно внимание И. Б. Грекова, однако наблюдения автора в значительной степени обесцениваются невнимательностью и неточностью, с которой он подходит к предшествующей научной литературе. Так, И. Б. Греков решительно приписывает М. Д. Приселкову мнение об участии митрополита Киприана в составлении «Летописца великого русского» (Греков И. Б. 1) Заключительная часть Троицкой летописи и проблемы авторства летописного свода 1409 г. — Советское славяноведение, 1982, № 2, с. 44—45; 2) Варианты «Повести о нашествии Едигея» и проблема авторства Троицкой летописи. — В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова. М., 1982, с. 221), хотя М. Д. Приселков держался прямо противоположного взгляда на «Летописец великий русский», считая его великокняжеским сводом, отличающимся по характеру от свода 1408 (1409) г., связанного с Киприаном (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 121, 130, 135). Автору настоящей статьи И. Б. Греков приписывает «тезис о том, что летописный свод 1409 г. представлял собой труд самого митрополита Киприана» (умершего, как известно, в 1406 г.), и «объявление» «Летописца великого русского» «скромным „справочником“ по новгородской истории XII—XIII вв., не имевшим якобы никакого отношения ни к общерусскому летописанию XIV—XV вв., ни к общерусскому историческому процессу» (Греков И. Б. Заключительная часть... с. 44—45; ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 45, 61—65). Никто никогда не «объявлял» не дошедший до нас «Летописец» «справочником», но нам, к сожалению, известно о нем только одно свидетельство — ссылка в Троицкой летописи, с которой прежде всего приходится считаться исследователю. Вот эту-то необходимость строить доказательство на конкретном фактическом материале постоянно игнорирует И. Б. Греков.

⁵ См.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 67—121.

у Н. М. Карамзина), общерусский «свод 1448 г.», лежащий в основе Софийской I и Новгородской IV летописей, — таковы наиболее достоверные этапы общерусского летописания первой половины XV столетия. Более поздние летописи черпали общерусский летописный материал в основном из этих источников (привлекая, кроме того, еще местное, немосковское летописание). Сколько-нибудь заметных следов других московских сводов XIV в., которые не отразились бы либо в Троицкой и близкой к ней летописях, либо в Софийской I и Новгородской IV, мы не обнаруживаем.⁶

Теснейшая связь общерусского свода 1408 г., отразившегося в Троицкой и сходных с нею летописях, с митрополитом Киприаном не вызывает сомнений. Эта связь обнаруживается и в тексте до 1390 г., где Троицкая почти идентична с Рог. и Сим., и после этого года (ср. известие Троицкой 1405 г. о возвращении Киприана и смерти «доброе нашего старца» Дорофея и известие о смерти Киприана в 1406 г., завершающееся его духовной грамотой; наличие всех подобных известий в Троицкой засвидетельствовано Карамзиным).

Каковы же главные идеи летописания, связанного с Киприаном? Защищая интересы митрополии, летописание это сочувствует также великим князьям (поскольку они не вступают в конфликт с митрополиями) и осуждает всех, кто выступает против духовной и политической власти Москвы. Определенно враждебно относилась летопись Киприана к Новгороду. В отличие от более позднего свода, отразившегося в Софийской I и Новгородской IV летописях, Троицкая, очевидно, не упоминала о победе новгородцев над суздальцами в 1169 г. и в 1214 г. (битва при Липице). Ее отношение к Новгороду и новгородским вольностям ясно выражено в рассуждении, помещенном под 1169 г. (оно заимствовано из великокняжеского свода 1305 г. — Лаврентьевской летописи): «Не глаголем же: прави суть новгородци, яко издавна суть свобождены новгородци прадеды князь наших... Не велели им предние князи крест преступати... То доколе же богови терпеть и. ?». С этим рассуждением перекликается уже упомянутое нами обличение вероломного «обычая новгородцев» в конце свода 1408 г., под 1392 г., со ссылкой на «Летописец великий русский». В вопросе о русско-ордынских отношениях летопись Киприана проявляла крайнюю сдержанность. Ничего не упоминают Троицкая и близкие к ней летописи о тверском восстании против Шевкала (Щелкана, Чол-хана) в 1327 г. Чрезвычайно кратко помещены здесь рассказы о борьбе Дмитрия Донского с Ордой (повести о Пьяне, о Воже, о Куликовской битве, о нашествии Тохтамыша); во-

⁶ Вопрос о немосковских летописных источниках, освещающих события XIV—начала XV в., далеко еще не решен. Кроме новгородского, псковского и тверского существовало еще ростовское летописание, непосредственно отразившееся в своде 1419 г., завершающем Московско-Академическую летопись (Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, с. 465—512; ПСРЛ, Л., 1923, т. 1, вып. 3, с. 541—579), и оказавшее влияние и на Троицкую, и на Софийскую I—Новгородскую IV летописи, и на Устюжскую летопись, и на Сокращенные своды конца XV в. (см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 56, примеч. 120; с. 97, примеч. 93; с. 196—197, примеч. 77—79). К тому же ростовскому своду или к нескольким источникам, связанным с княжествами, расположенными к востоку от Москвы и входившими во Владимирскую Русь, восходят, очевидно, и немосковские известия за этот период, сохранившиеся в некоторых летописях XV в., но не отразившиеся в Московско-Академической летописи (ср.: там же, с. 97—99, примеч. 97; с. 188—192). Более конкретное определение этого источника (или источников) представляется затруднительным (ср.: В. А. Кучкин. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. — В кн.: Куликовская битва. М., 1980, с. 67—68, примеч. 196), но немосковское его происхождение очевидно. Неясно происхождение развернутого рассказа о нападении Талыча на Владимир в 1410 (6918) г., появляющегося в Никаноровской, Вологодско-Пермской и близких к ним летописях (а затем и в Московском своде) и отсутствующего в Троицкой и Софийской I—Новгородской IV летописях, но едва ли он московский (ср. сходное место в более коротком рассказе Московско-Академической летописи).

обще Дмитрий Иванович, дважды изгонявший Киприана из Москвы, явно не пользовался расположением летописца.⁷

После 1390 г. можно наблюдать существенные расхождения между сводом 1408 г. (Троицкой) и тверской редакцией 1412 г. общерусского свода (Рог. и Сим.). Так, под 6907 (1399) г. в Троицкой (судя по аннотированной цитате Карамзина) читался неблагоприятный по отношению к литовскому великому князю Витовту рассказ о егоговоре со свергнутым ханом Тохтамышем против ордынского хана Темир-Кутлуя и Москвы: «Аз тя посажу в Орде на царстве, а ты мя посадишь на княженьи на великом на Москве». Рассказ об этом соглашении, закончившемся сокрушительным поражением Витовта и Тохтамыша на Ворскле (подробно оно описано в Софийской I и Новгородской IV летописях), возможно, попал в митрополичий свод в связи с некоторым осложнением отношений между Киприаном и литовским великим князем, из-за чего митрополиту в 1404—1405 гг. пришлось поехать в Западную Русь и сменить тамошних православных иерархов (в одном случае в тексте прямо указано: «по повелению Витовтову»). В редакции 1412 г. (Рог. и Сим.) никаких упоминаний о честолюбивых замыслах и хвастовстве Витовта перед битвой на Ворскле нет.⁸

Глубокие различия между сводом 1408 г. (Троицкой) и редакцией 1412 г. (Рог. и Сим.) наблюдаются в текстах повестей о нашествии Едигея. В Рог. и Сим. под 6917 г. здесь помещена очень своеобразная повесть, в которой автор, осуждая политику Василия Дмитриевича, проводимую по внушению «юных бояр», оправдывает свое «неговейное» (непочтительное) описание этих событий примером «Селивестра Выдобожьского» (Сильвестра Выдубицкого, редактора Повести временных лет), который также описывал «вся добрая и не добрая», «не украша» написанного.⁹ А. А. Шахматов и первоначально М. Д. Приселков считали, что этот текст читался и в заключении Троицкой летописи.¹⁰ которая, по сообщению Карамзина, заканчивалась как раз «описанием Эдигеева нашествия». Однако в дальнейшем, работая над реконструкцией

⁷ Более широкий вопрос о мировоззрении Киприана выходит, естественно, за рамки настоящего исследования. Отметим только, что взгляд на Киприана как на одного из вдохновителей Дмитрия в борьбе с Мамаем не подтверждается источниками. Г. М. Прохоров причисляет его к группе монахов-«всероссиян» (приверженцев единой митрополии «всех Руси»), сторонников борьбы с ханом, представителями которой он считает также Дионисия Суздальского, Сергия Радонежского и Феодора Симоновского (Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 78—82, 103—107). Но существовала ли реально эта партия «всероссиян»? Киприан находился в 1380 г. в Литве и ничем не выразил своего сочувствия Дмитрию в его войне с Мамаем. Предположение И. Мейендорфа, что Киприан, «если Ягайло спросил его совета вступать ли в коалицию с Мамаем», убедил его не делать этого (Meуeндorff J. Byzantium and the Rise of Russia. Cambridge, 1981, p. 224—225), — такая же догадка, как и отвергаемое им предположение И. Б. Грекова о враждебности Мамаю митрополиту Митяю и его сочувствии Дионисию (Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 117—119). Связь Сергия и Феодора с Киприаном выводится Г. М. Прохоровым из того, что в 1378 г. он написал им письмо, реакция на которое неизвестна; во всяком случае, когда Киприан после этого письма попытался самовольно поехать на Русь, его арестовали и выслали; никакой поддержки от Сергия и Феодора он не получил; Дионисий в 1383 г. сам добился сана митрополита вместо Киприана, а Федор Симоновский поддержал двух соперников Киприана — Дионисия и Пимена (Прохоров Г. М. Повесть о Митяе, с. 54—58, 174—180).

⁸ См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 450—451. Ср.: ПСРЛ, Пг., 1922, т. 15, ч. 1, стб. 165; СПб., 1913, т. 18, с. 143. О поездке Киприана в Западную Русь см.: Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 458—460; ПСРЛ, СПб., 1896, т. 11, с. 192—193.

⁹ ПСРЛ, т. 15, ч. 1, стб. 177—186; т. 18, с. 155—159. Даты в этой части Сим. (и Рог.) даны уже по сентябрьскому стилю (см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 27), так что 6917 г. может означать и конец 1408 г. (как и в других летописях).

¹⁰ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 168—173; Приселков М. Д. Летописание XIV в., с. 34—35.

Троицкой, М. Д. Приселков пришел к убедительному заключению, что рассказ о Едигее в своде 1408 г. не совпадал с Рог. и Сим.¹¹ Он опирался при этом на указания Н. М. Карамзина, не только упомянувшего о том, что Троицкая заканчивалась описанием нашествия Едигея, но и приведенного развернутые цитаты (со ссылкой на Троицкую) из этого описания. Таких цитат у Н. М. Карамзина пять: 1) поименное перечисление татарских «царевичей» и князей, сопровождавших Едигея; 2) дата прихода Едигея к Москве — «в Филипово говенье... декабря в 1 день в субботу до обеда»; 3) упоминание о посылке «царевича Тегрибердея» и других князей с 30 000 «рати» в погоню за Василием I; 4) оценка поведения тверского князя Ивана Михайловича, направившегося было по приказу Едигея на помощь ему, но вернувшегося с дороги: «... и таковым коварством премудрова: ни Едигея разгнева, ни князю великому погроби, обоим обоего избежа. Се же створи уменски, паче же истински»; 5) подробный рассказ о «некоем царевиче», напавшем на Орду в отсутствие Едигея — «за малым бо и самого царя не захвати и мног мятеж в Орде створив, отыде». Кроме того, в тексте «Истории» Н. М. Карамзин привел в переводе на современный русский язык известие о том, что татары вели за собой пленных русских по сорок человек, связав их друг с другом. Ни одной из перечисленных цитат нет в Повести, помещенной в Рог. и Сим., а слова о «премудрости» Ивана Михайловича явно противоречат всем тенденциям этой Повести. Зато все они (как и известие о пленниках, пересказанное Карамзиным) отыскиваются (с незначительными изменениями) в московских великокняжеских сводах последней трети XV в.¹² Очевидно, в своде 1408 г. читалась Повесть о Едигее, воспроизведенная впоследствии великокняжескими сводами, — повесть, не содержащая какой-либо оценки самого нападения Едигея и обнаруживавшая характерную для Троицкой осторожную позицию в ордынском вопросе (ср. в той же летописи умолчание о выступлениях против Орды в первой половине XIV в., иронический рассказ о неудачной битве на Пьяне, сдержанное и бледное описание Куликовской битвы, замечание о том, что Дмитрий «не поднял руки противу царя Тохтамыша» в 1382 г.).

Для рассказа Рог. и Сим. характерны совсем иные настроения, чем для Троицкой. Автор Повести о Едигее в этих летописях прямо и решительно высказывался против двойной игры и союзов с «иноплемениками», которые «лестно и злоковарно честию окладають князей наших, и дары украшают, и тем злохитрство свое потаают, и мир глубок обещають имети с князьями нашими, и таковым пронырством ближняя от любви разлучают, и усобную рать межи нас съставляють». Летописец описывает, как Василий I, враждуя с Витовтом, воевал против него в союзе с Едигеем, который, ведя переговоры с Москвой и с Литвой, «болми на гнев поостри их». «Заблужение» Василия I «от правды»,

¹¹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 115.

¹² См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 468—471 (тексты из Карамзина — крупным шрифтом). См. так же: Карамзин Н. М. История государства Российского, т. 5, примеч. 205—217. Перечисление московских сводов см. ниже (примеч. 18 и 19). Новая точка зрения М. Д. Приселкова на повесть о Едигее в Рог. и Сим., кратко выраженная в «Истории русского летописания» (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 115), показала неуверительной Д. С. Лихачеву, который сослался на указание Н. М. Карамзина, что «описанием Едигеева нашествия заканчивается харатейный Троицкий летописец» (Лихачев Д. М. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 297—298). Однако, обратившись к приселковской реконструкции Троицкой летописи, опубликованной в 1950 г., мы можем убедиться, что М. Д. Приселков завершал ее текст как раз рассказом о Едигее и, таким образом, учитывал указание Н. М. Карамзина. Но это была не та Повесть о Едигее, которая помещена в Рог. и Сим., а повесть, переданная московскими великокняжескими сводами, идентичность которой с Повестью в Троицкой доказывается, как мы уже отметили, совпадением с приведенными Карамзиным цитатами.

виновниками которого автор считал неких «юных бояр», выражалось, по его мнению, не только в союзе с Едигеем, сумевшим благодаря этому высмотреть «наряд русский», но и в огромных уступках сопернику Витовта — католику («лях бе верою») Свидригайло, которому был дан в удел «многославный Володимер, иже есть стол земля Русския»: «... и такового града не помиловавшие москвичи, вдаша в одержание ляхов!». Воспользовавшись доверчивостью русских, Едигей заявил им, будто идет на Витовта, а в действительности пошел на Москву и осадил ее. Тут же обнаружилась и бессмысленность передачи владимирского «стола» Свидригайло: «... храбрии наши ляхове, иже величае дръжаще град пречистыя богоматере, мужественныя их лысты токмо на бег силу показаша». Далее автор повествует о страшном разорении Русской земли, о пленении городов, но обходится без конкретных и цифровых данных, он отмечает только длительность осады Москвы — «20 дней».

Научная литература, посвященная Повести о Едигее, не богата. Больше всего сделал для изучения этой Повести М. Д. Приселков, который, как мы уже знаем, реконструировал текст Повести о Едигее, читавшийся в Троицкой летописи, установив его чрезвычайную близость (почти идентичность) тексту московского великокняжеского летописания. Повесть о Едигее, читающаяся в Рог. и Сим., М. Д. Приселков определил, в отличие от Повести в Троицкой, как рассказ, «который, как можно думать, был составлен в Твери едва ли не со слов отъехавшего в Тверь какого-то московского политического деятеля».¹³

Авторы, писавшие о Повести о Едигее в последние десятилетия, текстологическим исследованием Повести не занимались. Именно этим, очевидно, объясняется обычное определение различных летописных рассказов о нашествии Едигея как «вариантов», «редакционных обработок» — термины, которые предполагают наличие общего протографа и хотя бы частичное единство происхождения этих памятников.¹⁴ Между тем никаких текстуальных совпадений между Повестью о Едигее в Троицкой (и близких к ней) и аналогичной Повестью в Рог. и Сим. никто из этих авторов не приводит.

Л. В. Черепнин, посвятивший Повести о Едигее особый параграф монографии об образовании Русского централизованного государства, совсем не ставил вопрос о том, какой текст Повести читался в Троицкой летописи и как он соотносился с текстом в Рог. и Сим. «Наиболее ранним вариантом» Повести он считал текст Ермолинской, Львовской и других летописей, содержащих рассказ, близкий московскому великокняжескому летописанию (следовательно, и Троицкой летописи), но более короткий. Пересказывая и разбирая Повесть о Едигее в Рог. и Сим., Л. В. Черепнин относит этот «вариант» «примерно к середине XV в.» и указывает, что он возник «вряд ли в Москве», приводя тексты из Повести, побудившие, очевидно, и М. Д. Приселкова связать ее с Тверью: упоминание о том, что татары «Тферского настолавания дому святого Спаса взяша волость Клинскую», и указание, что «москвичи» отдали Владимир «в одержание ляхом».¹⁵ В недавно опубликованной статье И. Б. Греков также говорит о двух «вариантах» (или группах «вариантов») Повести о Едигее — «пмосковском» и «протверском». В отличие от Л. В. Черепнина он полагает, что наиболее ранним «вариантом»

¹³ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 116.

¹⁴ См.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 715—716; Греков И. Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея»..., с. 222—223 («все летописные рассказы об указанном событии представляют собой различные варианты произведения, которое вошло в историю русской литературы под условным названием „Повесть о нашествии Едигея“»). См. также: Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV в. М., 1981, с. 567—568; ср. с. 20—21.

¹⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства..., с. 728—729.

Повести о Едигее, послужившим «отправным пунктом» для создания остальных рассказов, был «рассказ Троицкой летописи», который он объявляет без особой аргументации «кратким», а «протверской вариант» Рог. и Сим., по его словам, возник не в середине XV в., а «через несколько лет после событий 1408 г.»¹⁶

Признав вслед за М. Д. Приселковым Повесть в Рог. и Сим. связанной с Тверью, Л. В. Черепнин, естественно, обратил внимание на рассказ о Едигее, содержащийся в летописи, бесспорно отражающей в этой части своего текста тверское летописание, — в Тверском сборнике. Упоминает рассказ Тверского сборника и И. Б. Греков. Но текстологического анализа этого памятника (как и других рассказов о Едигее) ни Л. В. Черепнин, ни И. Б. Греков не производили; текстуальных совпадений между повестью в Рог. и Сим. и в Тверском сборнике они не обнаружили. Л. В. Черепнин даже подчеркнул существенное различие между рассказами о Едигее в обоих источниках: автор рассказа в Рог. и Сим. «по своему кругозору значительно шире автора повести на ту же тему, включенной в Тверской сборник. Он чужд настроений областнической изолированности, присущих последнему».¹⁷

Исследование Повести о Едигее следует, естественно, начать с сопоставления всех основных ее текстов. Благодаря реконструкции, осуществленной М. Д. Приселковым, мы можем с достаточной полнотой представить себе текст Повести в Троицкой летописи. Нет никаких оснований считать его «кратким»: «наложенный» на пять бесспорных цитат из Троицкой, приведенных Н. М. Карамзиным (и одну цитату, пересказанную Карамзиным, но чрезвычайно близкую к соответствующему древнерусскому тексту), реконструируемый текст не обнаруживает ни одного сокращения по сравнению с Повестью в московских великокняжеских сводах XV—XVI вв. Нет поэтому основания думать, что остальной текст Повести в Троицкой, не процитированный Карамзиным, был более кратким.

Московские великокняжеские своды, содержащие Повесть о Едигее, могут быть разбиты на две группы. Первая из них, отражающая великокняжеский свод в редакции 50-х—начала 70-х годов XV в., представлена Музейным летописцем, доведенным до 1452 г., Летописью Лавровского (оба эти памятника не изданы), Никаноровской и Вологодско-Пермской летописями.¹⁸ Вторая группа представлена Московским сводом 1479 г., его редакцией конца XV в. и близкой к нему Воскресенской летописью XVI в.¹⁹ Характеристику поведения тверского князя Ивана Михайловича, данную в Троицкой, — «и таким бо коварством Едигея премудро... сие же створи уменски, паче же истински» — великокняжеские своды изменили на «премудре бо сия сотвори». В чем смысл этих слов Троицкой и их измененной версии в великокняжеских сводах? Нет ли в словах Троицкой летописи об Иване Михайловиче элементов иронии? Такое понимание возможно, но ирония эта звучала скорее дружески-нисходительно, чем осудительно. «Уменски» значило «разумно», «пре-

¹⁶ Греков И. Б. Варианты «Повести о нашествии Едигея...», с. 223—226. И. Б. Греков ссылается на текст примечания Н. М. Карамзина (История государства Российского. СПб., 1842, т. 5, с. 114, примеч. 207), но у историографа говорится не о краткости Повести о Едигее в Троицкой, а о том, что со времени окончания Троицкой летописи (1408 г.) «до самой кончины Василия Дмитриевича все известия кратки в других летописях».

¹⁷ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства... с. 720—722, 729.

¹⁸ ГБЛ, ф. 178 (Музейное собр.), № 3274, л. 236—240 (ср. л. 195); Львовский филиал БАН УССР, ф. Ossolineum, № 2126, с. 521—528 (ср. с. 376); ПСРЛ, М.; Л., 1962, т. 27, с. 95—97; М.; Л., 1959, т. 26, с. 175—177. Ср. Холмогорскую летопись: ПСРЛ, Л., 1977, т. 33, с. 95.

¹⁹ ГПБ, Эрмитажное собр., № 4166, л. 300 об.—302; ПСРЛ, М.; Л., 1949, т. 25, с. 237—239; СПб., 1859, т. 8, с. 82—84.

мудровать» — «перехитрить», а слово «коварство» чаще всего не имело отрицательного смысла, означая «ум, тонкость, замысловатость».²⁰ Именно поэтому великокняжеские своды (которым совсем не нужно было защищать тверского князя, особенно в конце XV в., когда независимость Твери была ликвидирована), подновив язык Троицкой летописи, передали эти слова более просто, но с сохранением положительной оценки: «премудре бо сия сотвори». Лишь одно известие из Повести о Едигее, приведенное Н. М. Карамзиным со ссылкой на Троицкую, — слова о том, что «богатые обещали богу наградить бедных... — и солгали перед богом»²¹ — не находит себе соответствия в перечисленных летописях, но это, видимо, объясняется тем, что великокняжеское летописание не решилось в данном случае воспроизвести текст свода 1408 г.

Займствуя Повесть о Едигее из свода 1408 г., московское великокняжеское летописание отходило при этом от своего основного источника — «свода 1448 г.» в редакции Софийской I летописи. В отличие от Троицкой и Сим. и Рог. «свод 1448 г.» не содержал подробного рассказа о нашествии Едигея. Здесь читалось, как мы можем полагать, только краткое известие о нашествии Едигея с датой прихода к Москве — «месяца ноября в 23 день в пятницу» (так в старшей редакции Софийской I; в младшей редакции — «в 30 день»), с указанием на пребывание под Москвой «месяц» и цифрой «окупа» — «3000 рублей»; вместе с этими краткими сведениями свод, очевидно, приводил «грамоту» («ярлык»), посланную Едигеем Василию Дмитриевичу. Летописи, непосредственно отражающие «свод 1448 г.», передали этот текст по-разному. Так, Софийская I сохранила известие о нашествии, закончив его словами: «присла Едигей грамоту свою к великому князю на Москву», но не приводя самой грамоты; Новгородская Карамзинская летопись, отражающая наиболее первоначальный текст Новгородской IV, дав упомянутые краткие сведения о походе Едигея, привела текст «грамоты» («ярлыка»); в Новгородской IV помещен только «ярлык» без какого-либо вступления или пояснения.²² Музейный летописец, Летопись Лавровского, Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи воспроизвели краткое сообщение Софийской I о нашествии Едигея (с характерной общей ошибкой: вместо «присла... грамоту» бессмысленное «присла... братию ту»; текста грамоты, как и в Софийской I, здесь нет). После окончания основного летописного текста в Музейном летописце и Летописи Лавровского в особом приложении помещена Повесть о Едигее из Троицкой; в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях Повесть введена в текст и тем самым дублирует краткое известие из Софийской I. В Московском своде 1479 г. краткое известие Софийской I опущено, оставлена только Повесть из Троицкой и дублировка устранена.

Повесть о Едигее в Ермолинской летописи, как уже было отмечено, содержит текст, близкий к Московскому своду, но более краткий. Здесь в отличие от Московского свода нет пространного рассуждения о «скорби», которой были охвачены москвичи, и о посланном богом избавлении от «измаилтян», выразившемся в том, что «некий царевич» напал на Орду. Ермолинская содержит только упоминание о нападении «царевича», но оно помещено ниже, чем в Московском своде, — после упоминания о присылке Едигее «скоросельников» из Орды (в Московском своде, как и в Троицкой летописи, о «скоросельниках» говорилось после

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903, т. 3, стб. 1223 (слово «умение»; ср. также в 1-м томе (СПб., 1893, стб. 1241) и 2-м томе (СПб., 1895, стб. 1667) «Материалов»); Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1980, вып. 7, с. 212.

²¹ Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 469, примеч. 2.

²² См. Софийскую I летопись: ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 257, примеч. «б»; Новгородскую Карамзинскую летопись: ГПБ, F.IV.603, л. 416 об.—418; Новгородскую IV летопись: ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 406—407.

рассказа о «царевиче»). Слов, которыми завершается известие о нападении «царевича» в Московском своде («...по премногу и смуги всю Орду»), в Ермолинской нет, а между тем аналогичные слова, судя по цитате Н. М. Карамзина, читались в Троицкой летописи. Отсутствуют в Ермолинской дополнение даты прихода Едигея — «в Филипово говение», какая бы то ни было оценка поступка тверского князя Ивана Михайловича, а также фраза из Московского свода, наличие которой в Троицкой засвидетельствовано Карамзиным, — о том, что «един татарин до четырьдесяти крестьян ведяше с нужею повязавши». Большая близость Московского свода к первоисточнику — Троицкой летописи — дает основание видеть в Ермолинской и сходных с нею летописях не наиболее ранний вариант Повести о Едигее, как предлагал Л. В. Черепнин, а, напротив, сокращение того рассказа, который читается в Московском своде. Такое сокращение общего с Московским сводом протографа, отразившегося в первой части Ермолинской (до 1418 г.), наблюдается на всем протяжении этой части.²³

Сходен с Ермолинской и обнаруживает те же отличия от Московского свода и рассказ о Едигее в Софийской II и Львовской летописях: здесь также нет пространного рассуждения о «скорби» в Москве, переставлены сообщения о «скоросельниках» и «царевиче» и т. д. Единственное отличие Софийской II и Львовской от Ермолинской и Московского свода заключается только в указании двух дат, относящихся к началу осады Москвы Едигеем: «ста в Коломянском ноября 26, декабря же 1 распусти... вой».²⁴

В Типографской летописи, основанной в части до 1423 г. на Московском своде, Повесть о Едигее тоже сокращена по сравнению с этим сводом, но никаких специфических совпадений с Ермолинской здесь не обнаруживается (в Типографской, как и в Ермолинской, нет оценки поступка тверского князя Ивана Михайловича, но фраза из Московского свода сокращена иначе). Известия о «царевиче» и «посольниках» в Типографской следуют в том же порядке, что и в Московском своде, но здесь нет, в отличие от этого свода и других летописей, упоминания о святом Петре-митрополите, спасшем Москву.²⁵

Сравнение Повести о Едигее из свода 1408 г. в ее многочисленных отражениях с Повестью на ту же тему в Рог. и Сим. позволяет сделать один несомненный вывод: между этими двумя памятниками нет текстуальных совпадений.²⁶ Третий ранний рассказ о Едигее — в «своде

²³ ПСРЛ, СПб., 1910, т. 23, с. 142—143. В конце рассказа Ермолинской (уже после сообщения об уходе Едигея и разорении земель) добавлен текст, явно восходящий к какой-то версии «свода 1448 г.»: «Того же месяца присла Едигей на Москву грамоту великому князю». Наличие общего протографа Ермолинской до 1418 г. и Московского свода доказано в работе: Насонов А. И. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 260—274. Текст повести о Едигее заимствован из Ермолинской летописи «Летописцем от 72-х язык»: ПСРЛ, М.; Л., 1963, т. 28, с. 92, 257—258.

²⁴ ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 136; СПб., 1910, т. 20, ч. 1, с. 225—226. В Софийской II в конце рассказа имеется приписка, дублирующая известие, содержащееся в его середине: «А в осаде тогда седали на Москве князь Володимер Андреевич, князь Андрей Дмитриевич, князь Иван Юрьевич». В старейшем Архивском списке Софийской II летописи приписка эта сделана скорописью на левом поле листа (ЦГАДА, ф. 181, № 371, л. 23 об.), в более позднем Воскресенском списке она включена в текст; в Львовской летописи ее нет.

²⁵ ПСРЛ, Пг., 1921, т. 24, с. 174—175. Ср.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 285—293.

²⁶ Единственное совпадение рассказа Симеоновской с рассказом Троицкой и московских сводов обнаруживается в начале Повести о Едигее в Симеоновской летописи, где перечисляются татарские цари и царевичи (ПСРЛ, т. 18, с. 155; ср.: Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV в., с. 244), но это перечисление царей и царевичей заимствовано Сим. вместе со всеми известиями 6909—начала 6917 г. из ее второго источника — Московского свода (см.: Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв. — В кн.: Методические

1448 г.» (Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях) — также по существу самостоятелен, хотя цифра «окупа», данного Едигею, «3000», могла быть здесь заимствована из Троицкой (возможно, однако, как мы увидим, и иное объяснение). Но обе повести о Едигее во всяком случае совершенно независимы друг от друга: перед нами не «варианты» и не «редакционные обработки» одной повести, а два различных сочинения, посвященных одному и тому же событию — нашествию Едигея.²⁷ Объединение этих различных памятников, создание компиляции, включающей элементы всех трех ранних рассказов, было осуществлено лишь в 20-х годах XVI в. — в Никоновской летописи. Положив в основу рассказ Сим., Никоновская летопись дополнила его сокращенным фрагментом рассказа Троицкой—Московской свода с упоминанием татарских «царевичей», участвовавших в походе, несостоявшегося похода Ивана Михайловича (без оценки), прибытия «скоросельников» с известием о нападении «царевича» на Орду и «окупа 3000 рублей», данного Едигею, а затем поместила текст «ярлыка» Едигея из «свода 1448 г.» (Новгородской IV летописи), взяв оттуда же, очевидно, указание на то, что Едигей стоял «месяць у Москвы», и завершила компиляцию ссылкой на «Селивестра Выдобожьскаго» из Сим.²⁸

Кроме трех упомянутых рассказов мы обнаруживаем еще несколько кратких известий о походе Едигея в местном летописании. Новгородская I летопись младшего извода сообщает о приходе Едигея «ноября в 23 день», утверждает, что стоял «под Москвою сам цесарь» (т. е. хан), приводит цифру «окупа» — «3 тысяще». Дата прихода совпадает с Софийской I и Новгородской Карамзинской; возможно, что «свод 1448 г.» заимствовал ее из новгородского летописания, оттуда же (а не из Троицкой) взял и размер «окупа» в 3000, о котором новгородские летописцы могли знать и помимо свода 1408 г.²⁹ В Московско-Академической летописи, содержащей ростовский свод 1419 г., приход датирован «5 декабря», время пребывания Едигея у Москвы определено в «3 недели, цифры «окупа» нет.³⁰ В Сокращенных сводах конца XV в. и Устюжской летописи дата прихода — «ноября 26», время пребывания у Москвы — «месяць», размер «окупа» — «3000» (текст явно восходит к Софийской I — с искажением даты прихода).³¹

Л. В. Черепнин, а вслед за ним И. Б. Греков, как мы уже отметили, привлекли к исследованию Повести о Едигее Тверской сборник, но ни-

рекомендации по описанию славяно-русских летописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 113); в Рог. этого перечисления нет (ПСРЛ, т. 15, ч. 2, стб. 177).

²⁷ Даже обстоятельство, которое явно обратило на себя внимание современников, — уход Едигея в день памяти канонизированного при Киприане московского святого митрополита Петра (20 декабря) — изложено в обеих повестях совершенно по-разному: Троицкая летопись, составленная в крутах, близких к Киприану, отметила это совпадение и выразила мнение, что молитва «Петра митрополита, нового чудотворца рускаго... избави люди и град от толика нужды и беды»; по весте в Рог. и Сим., не приводя никакой даты отхода, глухо упомянула, что Москва была избавлена «и Петра архиепископа ради» — с совершенно неожиданным и неподобающим титулом святителя.

²⁸ ПСРЛ, СПб., 1897 (фототипическое воспроизведение: М., 1965), т. 11, с. 205—211. Какой именно версией «свода 1448 г.» пользовалась в данном случае Никоновская летопись, сказать трудно; непосредственным источником Никоновской была особая редакция Новгородской IV, именуемая Новгородской V (Хронографической) летописью, но встречаются примеры и прямого обращения к Софийской I (ср.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. с. 32—43 и 148).

²⁹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1950. с. 400—401.

³⁰ Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, с. 510—511.

³¹ ПСРЛ, т. 25, с. 265 и 341; Л., 1982, т. 37, с. 82 (в списке Мациевича, выделенном в издании в особую редакцию, этого известия нет — ср. с. 39). В позднем Владимирском летописце время пребывания — «месяць», окуп — «3000», но дата «прихождения Гидигеева» — 4 декабря (ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 130).

каких текстуальных совпадений с другими рассказами на ту же тему в нем не обнаружили. Если рассматривать краткий текст, посвященный в Тверском сборнике непосредственно походу Едигея, то установить зависимость рассказа в этом сборнике от какого-либо конкретного текста действительно едва ли возможно. Тверской сборник датирует приход Едигея 30 ноября, упоминает о стоянии его у Москвы «3 недели» и называет дату отхода — «декабря в 20 день», но цифры эти встречаются в разных текстах (дата прихода 30 ноября — в Софийской I младшей редакции, стояние у Москвы «3 недели» и дата отхода 20 декабря — в Троицкой, Московском своде и всех зависящих от них летописях).³²

Однако Повесть о Едигее, помещенная в Рог. и Сим., состоит не из одного только описания похода Едигея — фактическими данными о походе эта повесть, как мы уже отметили, как раз довольно бедна. Отвлекаясь от прямого описания событий осени 1408 (6917) г., автор говорит о политике Василия I в предшествующее походу время и упоминает в связи с этим московско-ордынские, московско-литовские и московско-тверские отношения. При этом автор осуждает Василия I за то, что, воюя с Витовтом, он принимал помощь Едигея, в частности во время столкновения с литовцами на Плаве (в 1407—1408 гг.); он ссылается на мудрых «старцев», не одобрявших союза с Ордой. Тверской сборник также помещает под единой годовой датой (6916 г.) не только рассказ о Едигее, но и описание предшествующих событий, в частности столкновения на Плаве и московско-тверских споров в связи с этим столкновением. Если же мы сопоставим тексты Тверского сборника и Рог. и Сим. в этой части, то обнаружим текстуальное совпадение, на которое не обратили внимания исследователи Повести о Едигее.³³

Приведем примеры:

Рог. и Сим.

Тогда же и татарове приидоша к Плаве на помощь Руси. Старци же сего не похвалиша, глаголюще: «Добра ли си будет дума юных наших бояр, иже приведоша половец на помощь? Не сих ли ради прежде Кневу и Чернигову беды прилучишася, иже имеюще брань между собою, подымающе половец на помощь, навожаху брат на брата да и пръвое напуюче их, сребро издааша из земля своея, а половец изъсмотривше русский наряд, посем самим съдолеша? Да не будет ли си пакость земли нашей на прочая дни, егда измайльте усмотривше наряд нашей земля, на ны приидуть?». Яко же и събытъяся.³⁴

Тверской сборник

Тогда же татарове приидоша к Плаве в помощь Руси на Литву. Старцы же, сие видевше, не възлюбиха зело: «Добра ли се будет дума юных наших бояр, иже приведоша татар на помощь? Не сих ли ради Кневу и Чернигову беды приключишася, иже когда имущи брань со собою, и подымаючи половец навожаху на ся, да пръвое бо напуючи их, сребро пздаша из земля своея, и инии же смотриша наряди руския и самим издолеша? Да не буде(т) той пакости и нашей земпл на прочая дни, да не како татарове съсмотрят наряда земля наша, и всъхотят сами приити на ны?». Яко же бысть ся.³⁵

Как видим, текст здесь, за исключением незначительных стилистических отличий («половцы-измайльте» в Рог. и Сим. вместо преобладающего «татары» в Тверском сборнике), идентичен. В других текстах Повести о Плаве таких буквальных совпадений нет, но связь этой Повести с Повестью о Едигее в Рог. и Сим. обнаруживается еще и в том, что в обеих повестях читается довольно редкое известие о передаче «стольного града

³² ПСРЛ, СПб., 1863, т. 15, стб. 483—484.

³³ Единственное беглое указание на то, что под 1409 г. «в Симеоновской летописи есть места, буквально повторенные в Тверском сборнике под 1408 г. (в сообщении о мудрых речах старцев по поводу союза русских князей с татарами)», находим в ранней статье А. А. Шахматова, в которой он еще не использовал Рог. и не предполагал существования общего источника Рог. и Сим., доведенного до 1412 г. (Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 148).

³⁴ ПСРЛ, т. 15, ч. 1, стб. 180; т. 18, с. 156.

³⁵ ПСРЛ, т. 15, с. 475.

Владимера» Свидригайло Ольгердовичу, отсутствовавшее и в Троицкой летописи³⁶ и в «своде 1448 г.» и появившееся (в ином изложении, чем в Рог. и Сим. и Тверском сборнике) только в Московском своде 1479 г. и Ермолинской летописи, опирающихся в этой части на общий протограф.³⁷

Совпадения между Повестью о Едигее в Рог. и Сим. и Повестью о Плаве в Тверском сборнике заслуживают внимания. В конечной части Рог. и Сим. (после 1390 г.) читается ряд тверских известий, но они не имеют ничего общего с известиями Тверского сборника — даже известие о смерти тверского епископа Арсения в 6918 (1410) г. читается в Рог. и Сим. совершенно в ином изложении, чем в Тверском сборнике (под 6917—1409 г.).³⁸ Совпадение Рог. и Сим. с Тверским сборником в тексте, осуждающем политику Василия I накануне нашествия Едигея, подтверждает, что, несмотря на общерусский характер своего основного текста, редакция 1412 г. действительно составлялась в Твери.

С какими же кругами она была связана? Некоторые данные по этому вопросу могут быть извлечены из читающихся в Рог. и Сим. и Тверском сборнике предостережений «старцев» против «юных бояр», занявших видное место при Василии I. О ком могла идти речь? Мы уже знаем, что в «своде 1448 г.», отразившемся в Новгородской IV и Софийской I, после краткого известия о нашествии Едигея был помещен «ярлык», посланный Едигеем Василию I; текст его сохранился в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях. Вопрос о подлинности этого «ярлыка», к сожалению, не подвергался специальному рассмотрению в науке.³⁹ Нас он в данном случае интересует как публицистический памятник, вошедший в русское летописание не позднее середины XV в. Любопытно, что в этом «ярлыке» обсуждается та же тема, что и в рассмотренных рассказах: «И ты ся с старцы не спрашиваешь, что добро было переже сего. . . — заявляет Едигей, — . . . Добраа дума к Орде была от Феодора от Кошки, добрый был человек: которые добрыя дела ордынские, тот тебе поминал. И то ся минуло, и нынеча пак у тебе сын его Иван казначей, любовник и старейшина, и ты ныне ис того слова и думы не вступаешь. . . , и старцев земских думы ни слова не слушаешь. . .»⁴⁰ Речь идет о двух представителях известного московского рода Кобылы, предках Романовых. Оценка политики «старцев» и их преемников в «ярлыке» Едигея, как видим, прямо противоположна той, которая высказывалась в повестях о Плаве и походе Едигея; объясняться это может тем, что Федора Кошки во время нашествия Едигея уже не было в живых и политику его могли трактовать как «добрую» самые различные политические силы. Но имена, названные в «ярлыке», заслуживают внима-

³⁶ Отсутствие в Троицкой летописи известий о землях, отданных Свидригайло в 1408 г., было специально отмечено Н. М. Карамзиным (История государства Российского, т. 5, примеч. 200; ср.: Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 467, примеч. 3); это указание, кстати, еще раз подтверждает, что Повесть о Едигее из Рог. и Сим. в Троицкой не читалась.

³⁷ Об общем протографе Ермолинской летописи и Московского свода см. выше, примеч. 22. Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 157, примеч. 98.

³⁸ См.: ПСРЛ, 1922, т. 15, ч. 1, стб. 186; т. 18, с. 159. См. Тверской сборник: ПСРЛ, 1863, т. 15, стб. 485.

³⁹ Текст «ярлыка» Едигея совершенно не похож на тексты ярлыков XIII—XIV вв., данных ханами русским митрополитам (Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916, с. 91—114), — это памятники совершенно различного характера: «ярлык» Едигея — послание, а ярлыки ханов — грамоты, подтверждающие иммунитетные права митрополитов. Л. В. Черепнин именовал «ярлык» Едигея, читающийся в Новгородской IV летописи, «литературно обработанным», но никак не раскрывал этого определения; он полагал, что Повесть в Рог. и Сим. была «ответом» на «ярлык» Едигея (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства, с. 730—731). Мы не ставим здесь вопрос о взаимоотношениях «ярлыка» и Повести о Едигее в Рог. и Сим.

⁴⁰ ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 406—407. Ср.: ГИБ, F.IV.603, л. 416 об.—418.

ния: Федор Андреевич Кошка был тесно связан с тверским великокняжеским домом (его дочь была замужем за сыном великого князя Михаила Александровича),⁴¹ и внешнеполитические споры в роду Кобылиных-Кошкиных могли получить отражение в тверской публицистике. Во время нашествия Едигея жители московских земель, занятых неприятелем, искали убежища в Твери (так поступали, по-видимому, троицкие монахи).⁴² Тверская редакция общерусского летописного свода и содержащийся в ней рассказ о нашествии Едигея были, по-видимому, связаны с кругами этих московских беглецов, нашедших приют при дворе тверского великого князя. Памятником литературной школы, сложившейся в это время в Твери, было и Житие великого князя Михаила Александровича, отрывки из которого помещены в Тверском сборнике (а частью также в Новгородской IV летописи), — оно имеет ряд текстуальных совпадений с Повестью о Плаве.⁴³

К тому же общерусскому своду 1412 г., составленному в Твери, следует отнести и второй текст, бесспорно совпадающий в Тверском сборнике с текстом Рог. и Сим. за 1390—1412 гг., — рассказ 1392 (6900) г. о завоевании Нижнего Новгорода Василием I, столь же независимый и критический по отношению к московскому князю, как и повести о нашествии Едигея и о Плаве. Здесь говорится, что Василий Дмитриевич просил у Тохтамыша Новгород Нижний, владения великого князя Бориса Константиновича, «на кровопролитие» (в Рог. и Сим. читается еще: «на погыбель христианскую»), а нижегородский боярин Василий Румянец, предавший князя Бориса, сравнивается с «древним Блудом» (в Рог. и Сим.: «Бут») из Повести временных лет. «О злая лесьть человеческаа! Яко же рече Давид: мужа крови лстыва гнушается господь. . .», — пишет автор. Заканчивается рассказ сообщением о том что Василий I «князя великаго Бориса повеле по градом развести с княгиней и с детьми» (в Рог. и Сим. читается еще: «безбожных же татар, чтив и дарив, отпусти в Орду»)⁴⁴

Рассмотрение Повести о Едигее и близких к ней памятников дает возможность понять глубокие идейные различия между двумя летописными сводами этого времени — Троицкой летописью, созданной при дворе Киприана вскоре после его смерти, и окончанием общерусского свода

⁴¹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стб. 160; т. 18, с. 141.

⁴² Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV в.: (Кирилл тверской и Елифаний «московский»). — ИОРЯС, Л., 1926, т. 31, с. 168—169. Ср.: Древние жития преподобного Сергия Радонежского / Собраны и изд. Н. Тихоновым. М., 1893, Приложение, с. 176—177, примеч. 2.

⁴³ Ср.: Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной»; Отчет о 40-м присуждении наград графа Уварова. — Записки Акад. наук по историко-филологическому отделению, 1899, т. 4, № 2, с. 228; Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР. VII серия, отд-ние гуманитарных наук, Л., 1930, № 9, с. 745. См. в настоящем томе статью «Житие Михаила Александровича» («Исследовательские материалы для „Словаря...“», с. 216—218).

⁴⁴ ПСРЛ, т. 15, ч. 1, стб. 162—163; т. 18, с. 142; т. 15, стб. 446. Из числа более поздних летописей этот рассказ заимствовала (из Сим.) только Никоновская, опустив многочисленные упреки Василию I (ПСРЛ, т. 11, с. 147—148). Совпадение этого текста Тверского сборника с Сим. отмечено А. А. Шахматовым (Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 148; известия 1392, 1410 и 1411 гг., которые Шахматов также считал сходными в Тверском сборнике и Сим., текстуально не совпадают). М. Д. Приселков ввел этот рассказ в реконструкцию Троицкой летописи (М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 439—440), но это предположение представляется сомнительным, так как в этом случае Н. М. Карамзин не ссылается на Троицкую, а пересказывает рассказ Никоновской (с прямой ссылкой). Л. Л. Муравьева, зная это известие только по Рог. и Сим. и Никоновской летописи, в соответствии со своим обычным представлением, что известия о том или ином княжестве должны быть отнесены к летописанию этого княжества, включает рассказ о завоевании Нижнего Новгорода в известия «Нижегородско-Суздальского летописания» (Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси XIII—XV веков. М., 1983, с. 180—181).

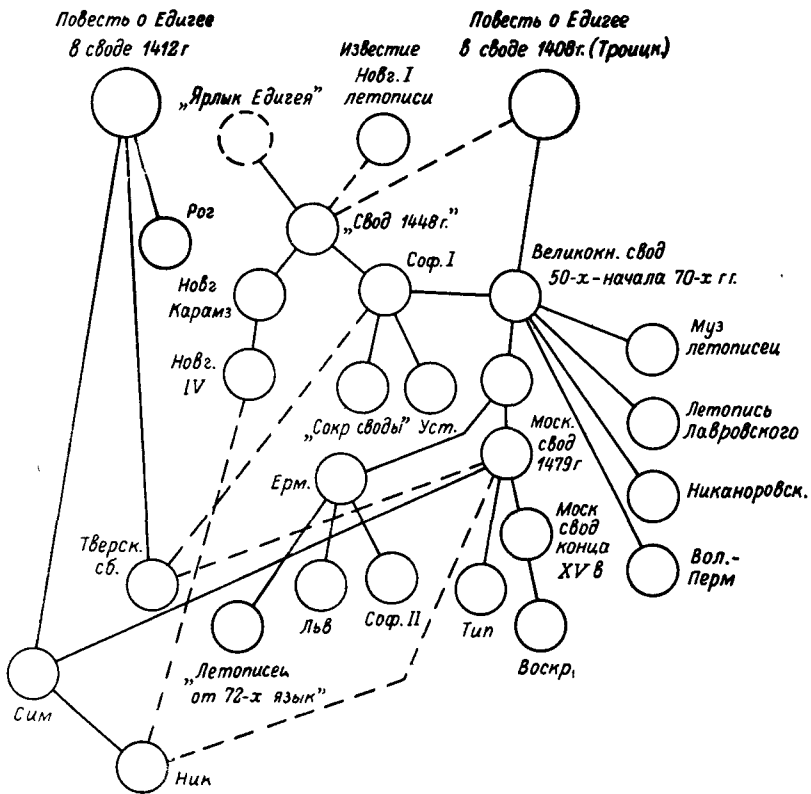

Схема происхождения летописной повести о Едигее.

в редакции 1412 г. Если московская митрополичья летопись и после 1390 г. по-прежнему считала наилучшей политикой в отношении Орды осторожное маневрирование, то составитель редакции 1412 г. думал уже об иной, более смелой и достойной политике. Повесть о Едигее, созданная в Твери, оказалась связанной с тверской Повестью о Плавле и через нее — с тверским Житием Михаила Александровича. Но в тверскую летопись XV в., отразившуюся в Тверском сборнике, текст Повести о Едигее, описывающий его нашествие, включен не был. Составитель Тверского сборника ограничился только той частью, где говорилось об ошибочной политике Василия I. В целом Повесть о Едигее (как и рассказ о завоевании Нижнего Новгорода в 1392 г.) в Рог. и Сим. представляет собой своеобразнейший памятник — не тверской и не московский. Судьба этого памятника предопределялась тем, что он (как и весь свод 1412 г.) был создан в необычных обстоятельствах — во время неприятельского нашествия, когда московские книжники, покинувшие родную землю, стали работать вместе с тверскими книжниками и естественно должны были встать на новую, общерусскую точку зрения. Несмотря на то что свод 1412 г. не представлял собой самостоятельный литературный памятник и его основной текст до 1390 г. был идентичен тексту свода 1408 г. (включая рассказы о Куликовской битве, о Тохтамыше), в последней части составитель позволил себе занять более смелую позицию в вопросе об отношениях с Ордой и с другими государствами, чем та, которой держался его предшественник. Именно поэтому составитель редакции 1412 г. позволил себе сравнить свой труд с прославленным памятником русского летописания — Повестью временных лет «оного великого Селивестра Выдобажьскаго».

2. Русская митрополия середины XV в. и летописание

Основой русского летописания второй половины XV в. (и последующего времени) был, несомненно, протограф Новгородской IV и Софийской I летописей — «свод 1448 г.». Свод этот, общерусский по своему характеру, был, по всей видимости, митрополичьим сводом, созданным в трудные времена феодальной войны, когда в Москве не только сменялись претенденты на великокняжеский престол, но не было и митрополита. Это положение длилось почти 18 лет, со времени смерти в 1430 г. митрополита Фотия. В 1433 г. патриарх назначил митрополитом смоленского епископа Герасима, не поехавшего в Москву, где шла междоусобная война. Герасим управлял митрополией из Смоленска до 1435 г., когда его казнил литовский князь. В 1437 г. митрополитом стал грек Исидор, заключивший вместе с другими православными иерархами в 1439 г. унию с католиками и изгнанный за это в 1441 г. из России.

Из двух летописей, отразивших «свод 1448 г.», особенно важную роль сыграла в истории летописания Софийская I летопись — в той или иной степени на ней основывается все общерусское летописание последующего времени. Но первоначальный текст «свода 1448 г.», составленного еще до конца феодальной войны, в своей последней части устарел почти сразу же. Старшая редакция, по-видимому, опустила весь конец протографа, начиная с известия 1419 г. (когда, согласно приписке к одному из списков старшей редакции Софийской I и известиям более поздних летописных сводов, начался спор между Василием I и его братьями о будущем наследнике).⁴⁵ В нескольких списках младшей редакции Софийской I летописи статьи после 1419 г. читаются, но с рядом пропусков; очевидно, в этих списках до нас дошел не текст 1448 г., а его более поздняя, частью сокращенная, а частью дополненная версия. В Бальзеровском списке, дающем наиболее полное представление о младшей редакции Софийской I летописи, текст до 1448 г. дошел с рядом пропусков — нет известий под 1419—1421 гг. («пустые годы»), совсем пропущены даты и годовые статьи за 1424, 1428—1430, 1435, 1436, 1438, 1440, 1442—1444 гг.; далее следуют известия за 1445—1456 гг., потом, после нового перерыва, известия за 1460—1462 гг., и завершает летопись рассказ о походе Ивана III на Новгород в 1471 г. — «Словеса избранны...».⁴⁶ Текст младшей редакции Софийской I отличается некоторой двойственностью. О раннем происхождении этого памятника свидетельствует его своеобразная «нейтральность» при изложении истории феодальной войны 1430—1448 гг.: автор именует «великим князем» не только Василия II, но в двух известиях (1434 и 1446 гг.) его соперников — Юрия Дмитриевича и Дмитрия Юрьевича Галицких. Титулование галицких князей — очевидно, остаток первоначального текста; в других случаях редактор (или редакторы), работавший в 1456—1471 гг., оказался внимательнее — этим, по-видимому, объясняется пропуск важнейших известий 1419—1448 гг. Рука редактора 1456—1471 гг. обнаруживается не только в пропусках, но и в довольно грубых переделках в разных местах текста. Так, рассказ о победе новгородцев над суздальцами в 1169 г. (чудо Знамения), содержащийся в старшей редакции Софийской I летописи, заменен в младшей редакции уже упомянутой нами антиновгородской декларацией Лаврентьевской—Троицкой: «Не глаголи же: прави сугь новгородци...». К сообщению старшей редакции Софийской I об изгнании новгородцев в 1171 г. князя Романа сделано характернейшее добавление: «таков бе их обычай блядиным детям». Такие же антиновго-

⁴⁵ ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 261, примеч. «б»; М.; Л., 1949, т. 25, с. 244.

⁴⁶ ПСРЛ, т. 5, с. 262—274; т. 6, с. 1—15. Ср. Бальзеровский список младшей редакции Софийской I: ЛОИИ, колл. № 11 (Археогр. ком.), № 23, л. 302 об.—303 об.

родские тенденции обнаруживаются и в заключительных годовых статьях после 1460 г. и в «Словесах избранных».

На основе Софийской I летописи, но в последовательно переработанном виде возникли уже упомянутые нами московские великокняжеские своды: свод 50-х—начала 70-х годов и свод 1479 г. Характерной чертой свода конца 50-х—начала 70-х годов является последовательное удаление всех упоминаний о новгородских вольностях XII—XV вв., читавшихся в «своде 1448 г.» и Софийской I (вместо «новгородцы выгнаша», «изгнаша», «выведоша» князя, «показапа путь» князю и т. д. — князь «изыде», «выеха», «выеде» и т. д.). Московский свод 1479 г. отошел от Софийской I значительно дальше, чем его предшественники. Весь текст с начала до 1418 г. подвергнут здесь последовательной переработке на основе компиляции, отразившейся также в Ермолинской летописи («особой обработке свода 1448 г.», в которой этот свод последовательно сближен с Троицкой).⁴⁷ Упоминания о новгородских вольностях XII—XV вв. из Софийской I здесь также подверглись последовательной переработке, но иначе, чем в своде конца 50-х—начала 70-х годов; в одних случаях известия об изгнаниях князей были исключены, а в других сохранены, но с резко враждебным комментарием. Под 1170 г. здесь, вслед за младшей редакцией Софийской I, осуждаются новгородцы за изгнание князя Романа, но в более литературных выражениях, чем в Софийской I: «такой бо бе обычай ока[я]нных смердов изменников»; под 1255 г., вслед за той же младшей редакцией Софийской I, летописец характеризует замыслы «вяцших» людей против «меньших» не как «совет зол» (так в старшей редакции Софийской I), а как «совет благ» (под 1168—1169 г. Московский свод 1479 г., следуя той же младшей редакции Софийской I, заменил проновгородский рассказ о чуде Знамения противоположной владими́ро-суздальской версией); под 1393 г. добавлены слова о «винах и грубостях новгородских», и т. д.⁴⁸

Особенно тщательной переработке подверглись в летописании второй половины XV в. известия о русской митрополии. В 1448 г. в Москве после длительного перерыва появился, наконец, митрополит — бывший рязанский епископ Иона. Но поставление этого митрополита, как впоследствии и его преемников, было совершено без санкции константинопольского патриарха. Как это произошло? Как отразилось фактическое установление автокефалии русской церкви в летописях XV в.? Традиционные историографические представления об Ионе и его преемниках, как и вообще о судьбе русской церкви в середине XV в., основывается на великокняжеских сводах 70-х годов. Уже в своде конца 50-х—начала 70-х годов говорилось, хотя и кратко, о том, что «митрополит Сидор», пришедший в 1437 г. из Царьграда на Русь, сразу же захотел «итти в Рим на осмой собор», хотя великий князь Василий II уговаривал его «остатися таковаго хожения на осмой собор, его же не достоит творити»; «не послушав великаго князя», Исидор пошел в Рим, а вернувшись в 1440 г. захотел «соединити православие с латинством» и стал поминать в церковной службе папу римского. Великий князь заточил его в Чудовом монастыре, а в 1441 г. Исидор «убежал с Москвы ко Тфири, а оттоле к Литви, да и к Риму...». В 1448 г. (в декабре 6957 г.) «епископы русскими» был поставлен на митрополию владыка рязанский Иона, и с этого начинается поставление «владыками русскими нашея земли Московския» своих митрополитов. Великокняжеский свод 1479 г. и более поздние летописи излагают ту же концепцию, но в развернутой форме.

⁴⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV в., с. 129, 131, 133, 137—138, 150—161. Ср.: Насонов А. Н. История русского летописания XI—нач. XVIII в. М., 1969, с. 201—210, 255—302.

⁴⁸ Московский свод конца XV в. см.: ПСРЛ, т. 25, с. 77—82, 142, 221. Ср. Софийскую I летопись: ПСРЛ, т. 5, с. 164, примеч. «б»; с. 188, примеч. «г»; ср. также 2-е издание: Л., 1925, вып. 1, с. 171—172.

Под 1437 г. здесь помещен обширный рассказ «О Сидоре митрополите, как прииде из Царяграда на Москву», подробно описывающий «суетный» и «отреченный» Флорентийский собор и оканчивающийся разоблачением Исидора на Руси и его бегством. Вставной характер этого рассказа доказывается тем, что далее в своде 1479 г. вновь кратко сообщается (под 1440—1441 гг. — сходно с Никаноровской, Вологодско-Пермской и близкими к ним летописями) о приезде на Русь и бегстве Исидора.⁴⁹

Летописи, не связанные с официальной великокняжеской традицией, рассказывают об этих событиях по-иному. Всего интереснее было бы, конечно, узнать, что сообщал о них близкий по времени «свод 1448 г.», но в Софийской I младшего извода, где можно было бы искать его окончание, под 1437, 1439 и 1441 гг. нет ни слова об Исидоре, а годы 1438 и 1440 оказываются пропущенными, и отсутствие в этом изводе каких-либо известий, связанных с Исидором и унией, само по себе заслуживает внимания.

В Новгородской I летописи младшего извода, доведенной до 1447 г., под 1437 г. сообщается о приезде «Сидора гречина» на митрополию, о поездке к нему новгородского владыки Евфимия и о приезде семьи Исидора в октябре того же года в Новгород: «... и почестиша его владыка и посадники и бояре и купчи и весь великий Новъград, и на зиме поиха в Псков и к Царюграду». Так же уважительно сообщают о приезде Исидора в Псков и его пребывании там в течение 7 недель три Псковские летописи. И Новгородская и Псковские летописи знали уже и кратко сообщали о возвращении Исидора с собора и его изгнании в 1440—1441 гг., но это не мешало им с полным уважением сообщать о святительской деятельности митрополита.⁵⁰ Так же, по-видимому, относился к Исидору и севернорусский (вероятно, Кирилло-Белозерский) свод 1472 г., лежащий в основе Ермолинской летописи и Сокращенных сводов конца XV в. Правда, Ермолинская летопись, составленная около 1481 г., испытала, как мы уже знаем, влияние великокняжеского летописания, отразившегося в Московском своде (это влияние особенно значительно в тексте между Повестью временных лет и 1418 г., но сказывается и в дальнейшей части летописи).⁵¹ Именно поэтому, очевидно, в Ермолинской летописи наряду с указанием под 1437 г., что Исидор по приезде в Москву «прият бысть честне», описывается также «обличение» его «безумия» в 1441 г. русскими книжниками. Эти тексты представляют собой, по-видимому, добавление, сделанное при составлении самой Ермолинской; общий текст Ермолинской и Сокращенных сводов содержит только кратчайшие сведения об Исидоре, а кирилло-белозерский «Летописец русский», отражающий тот же протограф, сообщает об исполнении Исидором в Москве (в сентябре 1437 г.) его святительских функций на похоронах княгини Евпраксии, вдовы Владимира Андреевича Серпуховского.⁵²

Еще более интересно отношение летописей XV в. к Ионе — первому автокефальному митрополиту всея Руси. При изложении его биографии исследователи опирались обычно на позднюю традицию, и прежде всего на Жития Ионы, содержащиеся в Великих Минеях Четиих и Степенной

⁴⁹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 139.

⁵⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 419, 424; Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 44—46; М., 1955, вып. 2, с. 46—47, 133—135.

⁵¹ Об отношении текста Ермолинской летописи до 1418 г. к тексту Московского свода см. выше, примеч. 23. Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 150—161, 172—177.

⁵² ПСРЛ, СПб., 1910, т. 23, с. 149—150; т. 27, с. 271—272, 346; Летописный свод XV в. (Летописец Русский). — В кн.: Материалы по истории СССР. М., 1955, вып. 2 (Документы по истории XV—XVII вв.), с. 309—310; ср.: ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 152.

книге XVI в. Эта традиция объявляла Иону естественным и законным преемником митрополита Фотия, претендовавшим на митрополичий престол уже в 1430 г., и последовательным сторонником Василия II в его борьбе за московский престол с галицкими князьями.

Летописи XV в. оказываются в резком противоречии с такой версией. Отметим прежде всего примечательный факт: ни Новгородская I летопись младшего извода, ни три Псковских летописи не сообщают об Ионе ни единого слова. Эти летописи упоминают митрополита Герасима,⁵³ упоминают, как мы знаем, и Исидора, но Иона для них как бы не существует. Тверской сборник вспоминает об Ионе лишь однажды — в связи с его участием в назначении тверского епископа в 1461 г.⁵⁴ В Софийской I летописи младшей редакции Иона упоминается впервые под 6954 (1446) г. как «владыка Рязанский», помогший Шемяке забрать детей Василия Темного, и лишь под 6957 (1449) г. — как новый митрополит. Трудно сказать, принадлежала ли последняя запись к числу известных протографа («свода 1448 г.») или к числу дополнений — во всяком случае она весьма лаконична: «Князь великий Василей Васильевич постави себе митрополита на Москве Иону владыку Рязаньского, собрав владыки». Следующая запись — о смерти Ионы в 1461 г., как бы предвещающая его будущую канонизацию, — принадлежит уже к числу явных приписок к своду.⁵⁵

Упоминание об Ионе до его избрания на престол в 1448—1449 гг. в великокняжеском своде конца 50-х—начала 70-х годов мало соответствует будущему житийному образу. В подробном рассказе о пленении и ослеплении Василия II его соперником Дмитрием Шемякой в 1446 г. упоминается о том, что Дмитрий, не успевший захватить вместе с Василием его сыновей Ивана и Юрия, попросил рязанского епископа Иону помочь в этом деле, «обеща ему митрополию». Когда же Иона выполнил это поручение, Шемяка «повеле ему итти к Москве и сести на дворе митрополиче, Иона же сотвори тако». Если учесть, что текст этот содержится в рассказе, обнаруживающем явные черты близости к Василию II и написанном, возможно, при участии слепого князя, и что наиболее ранний текст рассказа читается уже в предшествующем Никаноровской и Вологодско-Пермской летописям памятнике, доведенном до 1452 г. и составленном, возможно, в 50-х годах XV в. (Музейный летописец),⁵⁶ то историческая ценность известия об Ионе в рассказе об ослеплении Василия II становится еще более очевидной. Следующее известие об Ионе читается в той же ранней редакции великокняжеского летописания XV в. под 1448 (декабрь 6957) г. Здесь рассказывается, как Иона (уже после перехода на сторону Василия Темного) «поставлен бысть на митрополию всея Руси епископы рускими», и в связи с этим впервые упоминается (ранее об этом не говорилось ни слова!), что «преже того, коли в Царьграде был о исправлении митрополи, и он от святейшаго патриарха и от всего еже о нем собора благовернаго после Сидара на митрополию». Легко заметить, что текст здесь дефектен — нет сказуемого к слову «он», но дефект этот присущ и Музейному летописцу и летописи Лавровского и Никаноровской и наиболее ранней редакции Вологодско-Пермской летописи (Лондонский список) и отражает какую-то непоследовательность в протографе всех этих летописей.⁵⁷ В московском своде 1479 г. и после-

⁵³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 417; Псковские летописи, вып. 1, с. 40—43; вып. 2, с. 43—45.

⁵⁴ ПСРЛ, т. 15, стб. 496.

⁵⁵ ПСРЛ, т. 5, с. 269—273.

⁵⁶ ГБЛ, ф. 178, № 3271, л. 224—231 об.; рассказ опубликован по этому списку в книге: Памятники литературы Древней Руси: XIV—середина XV в. М., 1981, с. 504—521; ср.: ПСРЛ, т. 27, с. 112; т. 25, с. 203.

⁵⁷ ГБЛ, ф. 178, № 3271, л. 229 об.; Львовский филиал БАН УССР, ф. Ossolineum, № 2126, с. 472; ПСРЛ, т. 27, с. 115; т. 26, с. 208.

дующем великокняжеском летописании соответствующая фраза приобретает более осмысленный характер: «прежде того... он от святейшаго патриарха... благословен последи Сидора на митрополию», но перед нами, вероятнее всего, вторичное исправление текста, тем более что о самой поездке Ионы «прежде того» в Царьград и здесь ничего не сообщается.⁵⁸

Судя по наиболее достоверным документальным источникам, острая полемика по поводу назначения Ионы митрополитом без санкции Константинополя началась в 50—60-х годах — в связи с появлением в Литовской Руси отдельного митрополита Григория, получившего, в отличие от Ионы, благословение патриарха;⁵⁹ борьба эта продолжалась и при преемниках Ионы — Феодосии и Филиппе. С этого времени и появляются в московском великокняжеском летописании упоминания о том, что Иона уже ранее предназначался в Константинополе «после Сидора на митрополию», и все более развернутые обличительные рассказы о самом «воляхоищном Сидоре».

Тенденциозность летописания XV в. заслуживает внимания исследователей не только потому, что она требует особой осторожности при установлении конкретных фактов истории. Явно тенденциозные известия летописных сводов XV в. и переработки предшествующих текстов и даже пропуски сами по себе являются важным явлением, ибо они отражают идеологию составителей сводов и их редакторов.

Для того чтобы понять характер «свода 1448 г.», лежащего в основе Софийской I, Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописей, нам нужно вновь вернуться к упомянутым выше переделкам в известиях о новгородско-княжеских отношениях, отличающим «свод 1448 г.» от его преемников — великокняжеских сводов конца 50-х—начала 70-х годов XV в. и 1479 г. Свод, оразившийся в Никаноровской, Вологодско-Пермской и сходных с ними летописях, при изложении событий с XII по начало XV в. тщательно удалял все упоминания об изгнании новгородцами их князей; свод 1479 г., составленный после окончательного присоединения Новгорода к Москве, тоже переделывал такие известия Софийской I, но не скрывая прежние права новгородцев, а подчеркивая их; в ряде случаев здесь были сделаны специальные антиновгородские добавления (частью заимствованные из младшей редакции Софийской I).

Смысл изменений и добавлений, сделанных великокняжескими летописцами при переделке первоначального текста, достаточно понятен: эти изменения отражали складывающуюся идеологию самодержавия, несовместимую с городскими вольностями. Но чем объясняется настоячивость, с которой «свод 1448 г.» сообщал о новгородских вольностях? Важно отметить, что известия такого характера не только были с большой тщательностью извлечены составителем «свода 1448 г.» из новгородского летописания, но в ряде случаев добавлены из других источников (например, известие 1160 г. — из Лаврентьевско-Троицкой, рассказ 1169 г. о чуде Знамения с иконой Богородицы, ослепившей враждебные владими́ро-суздальские войска, — из неизвестного источника; в известии 1177 г. об изгнании Ростислава Мстиславича и в повести о битве на Липице в 1216 г. новгородские рассказы были значительно пополнены по другим источникам). Настоячивые и последовательные упоминания о новгородских вольностях соединяются в своде со столь же последовательно проведенной идеей единства князей, с осуждением междоусобий, с включением больших повестей о восстаниях против ханов и о князьях-мучениках, погибших в Орде, о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша и т. д. Чему посвящены наиболее яркие рассказы «свода 1448 г.» —

⁵⁸ ПСРЛ, т. 25, с. 270.

⁵⁹ Ср.: Белякова Е. В. К истории учреждения автокефалии русской церкви. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982, с. 152—156.

защите новгородских вольностей или теме общерусского единства? Иногда ответить на этот вопрос просто невозможно — настолько неразрывно сочетаются две эти темы (например, в Повести о битве на Липице). Составитель «свода 1448 г.» защищал общерусскую власть великих князей и митрополитов (в частности, и в рассказах об их столкновениях с Новгородом в конце XIV в.), но в свою концепцию общерусского единства он, очевидно, включал и идею неотъемлемых прав отдельных княжеств, и особенно Новгорода.⁶⁰

Местная автономия в системе единого феодального государства — явление, знакомое некоторым европейским странам (Англия, Франция). «Свод 1448 г.» может служить свидетельством того, что и на Руси возникли планы подобной системы. Как и при каких обстоятельствах? Мы уже знаем, что с начала феодальной войны митрополичья кафедра, опустевшая с 1430 г., не была так тесно связана с Москвой, как прежде. В 1433 г. митрополитом стал смоленский епископ Герасим (особенно тесно он был связан с Новгородом и Псковом); в 1437 г. в Москву приехал Исидор, пробывший там недолго, а затем в течение полугода пребывавший в Новгороде и Пскове. Именно к этому периоду можно с большой вероятностью отнести подготовку «свода 1448 г.». Как и составитель тверской редакции 1412 г. общерусского свода, отразившейся в конечной части Рогожского летописца и Симеоновской летописи, составитель «свода 1448 г.» работал в очень трудные времена; но, как и его предшественник, он мог позволить себе занимать гораздо более смелую и независимую («неговейную») позицию по отношению к великим князьям, чем большинство московских летописцев.

⁶⁰ Подробнее см.: Лурье Я. С. О политических идеях общерусского свода 1448 г. — *Festschrift für Fairy von Lilienfeld zum 65. Geburtstag*, Erlangen, 1982, S. 135—152.